

Перевод выполнила: Пан Анна Владимировна

Лю Чжэньюнь

«Поколение зевак» (отрывок)

В тот день деревня у реки Цайхун гуляла свадьбу, и Ян Кайто, будучи дядей жениха, пришел пожелать счастья молодым. Сам он был из местных, родственников и приятелей у него в уезде было предостаточно, однако мероприятия вроде свадеб, поминок и прочего Ян Кайто старался обходить стороной. Не то что бы он к людям плохо относился, а не приходил лишь потому, что не хотел, чтобы ему докучали.

Надо сказать, что в своем уезде Ян Кайто заведовал прокладкой дорог и мостов и почитался за большого начальника. Родня и друзья же на его должность глядели по-свойски, как говорится - семьей свинью кормить, семьей ее и есть, а раз так, зачем подвернувшуюся работу чужим людям отдавать? Потому каждый раз, когда Ян Кайто встречался с близкими, они выпрашивали какую-нибудь работенку. И ведь нельзя сказать, что он о них не радел – например, пять лет назад нужно было между двумя поселками проложить короткую, в три ли, асфальтированную дорогу с бюджетом в полмиллиона. Обычно Ян Кайто заведовал проектами покрупнее, где речь о сотнях миллионов шла, для него дорога за пятьсот тысяч - что капля в море. Отчего бы такой пустяк бригаде племянника в подряд не отдать, подумал он. Работу они сделали за месяц, и на первый взгляд все было в порядке, а через три месяца началось - тут яма, там канава; чуть дождь пройдет или машина проедет - провалы и вмятины остаются. Дорога вышла еще хуже той земляной, что до этого была, а все шишки достались начальнику Яну.

Пошел Ян Кайто к своему двоюродному брату, отцу бригадира, разбираться, сколько денег племянничек на работу истратил. А брат без обиняков ему и ответил – двести тысяч. Выходит, что из положенных пяти сотен потрачено было всего две, а триста тысяч ушли прямехонько родне в карман. Тут уж Ян Кайто ничего, кроме как восхититься подобной смелостью, поделаться не смог. Кто в итоге оказался жадным до чужих денег? Своя же родня. А в последние годы, после того как правительство развернуло антикоррупционную борьбу, уже немало ответственных лиц на горячем половили, и Ян Кайто начал родственникам в таких делах решительно отказывать. Тем, кто просил, говорил: "Неужто вы и меня хотите под статью подвести?", на том и разговор заканчивался. Только хоть с работой вопрос был исчерпан, родня вечно находила предлоги поприставать к начальнику Яну, а потому контактов с ней он, по возможности, избегал.

Однако сегодня случай был особый, и на свадьбу племянника Ян все же пришел. Особенность заключалась в том, что племянник приходился

сыном старшей сестре нашего начальника, а к сестре Ян Кайто относился с особым трепетом - можно сказать, что вырос он, держась за сестрину юбку. Если бы не сестра, не было бы и сегодняшнего начальника Яна. Когда он был еще годовалым ребенком, по округе прошла эпидемия менингита, вот и маленький Ян Кайто заразился, да так, что три дня с жаром в бреду метался, вот-вот - и дух бы испустил. В те далекие времена никакой политики ограничения рождаемости и в помине не было, в каждой семье - семеро по лавкам. Семья Ян Кайто не отставала - нарожали семь детей, а там уж одним больше, одним меньше, никому и дела нет. К тому же нрав у хозяйки дома был крутой - еще не успел маленький Ян с жизнью распрощаться, мать возьми, да и брось его, полуживого, в сарае, и будь, что будет. Только старшая сестра, которой в ту пору было девять лет, младшего брата на погибель не бросила - по три раза на дню прибегала в сарай поглядеть, как там братец Кайто, да еще воды ему приносила. Прошло три дня, и мальчик пошел на поправку. Вот и выходит, что если бы тогда сестра за ним не ходила, воды бы ему не носила, помер бы он в том сарае от жара и жажды. Ребенком Ян Кайто рос болезненным и слабым, детвора в школе его частенько задирали, а он и ответить-то ничего не мог, только ревел. Сестра за него всегда вступалась и вместо него обидчикам отпор давала. Ну а нынче, раз сын сестры женится, Ян Кайто решил ей за добро отплатить и сделать исключение из своих правил - присутствием своей важной персоны статус мероприятия поднять. Ян ведь не невесть кто, а уездный начальник, а потому едва он на порог ступил, как свадьба тут же обрела в значимости.

После официальной части, как водится, пришел черед банкета, и во дворе сестрино дома расставили с дюжину праздничных столов. Поскольку статус Ян Кайто был выше, чем у всех присутствующих, то его, разумеется, усадили за главный стол, и не куда-нибудь, а на хозяйское место. Помимо него, за тем столом разместились братья и дядья со стороны невесты, тут же пара деревенских "высших чинов" в лице старосты и бухгалтера, а также двоюродный брат Ян Кайто из соседнего уезда. Уезд этот в округе был известен своим так называемым "экспортом рабочей силы", то бишь отправкой деревенских на заработки в Африку, где те дома строили и железные дороги в песках прокладывали. Вот и этот брат отработал сварщиком на стройке в Ботсване, вернулся домой на побывку, сам уже чернее негра, но ведь из-за границы приехал - а таким место за хозяйским столом. Родня невесты, надо сказать, вся из деревенских, оказавшись за одним столом с таким высокопоставленным лицом, как Ян Кайто, сконфузилась, глаза в землю потупила и молчала. Сварщик из Ботсваны тоже, даром что с чужбины приехал, красноречием не блистал, знал себе разглядывал брачные покои и пристально изучал парные поздравления молодым, развешанные у дверей. Деревенский староста, лицо как-никак

публичное, глядя на напряженную атмосферу праздника, немного заволновался:

– Начальник Ян, что же это, такой счастливый день, а веселья-то и нет. А ну как гости по домам разойдутся и будут судачить, мол, начальство всю свадьбу с кислыми лицами просидело.

Тут и бухгалтер ему в голос завел:

– А и правда, отчего бы и нам не погулять, не просто ведь за наших деревенских пьем, а за родню начальника Яна.

Ян Кайто, чтобы сестрину семью не обидеть и протокол соблюсти, воспрял духом и выдал:

– Ну, кто сегодня пару-тройку чарок не выпьет, того за порог не пустим.

Гости рассмеялись, и атмосфера тут же оживилась. Какой-то старик со стороны невесты обратился к Ян Кайто:

– Эх, начальник Ян, вы-то к большим застольям привычны, не то что мы, деревенские, и пить-то не умеем.

На что ему Ян ответил:

– Вы, почтенный, как раз и умеете, раз так говорите. Вино пить, что работать, а тот, кто говорит, что не выдюжит, и есть истинный умелец.